

Олег Бахтияров

Большие процессы и эволюция сознания: за пределами логики цивилизации*

Когда мы говорим об эволюции цивилизации, мы сталкиваемся с парадоксом: пытаемся осмыслить системы, принципиально более сложные, чем наше обычное сознание. Так же, как нейрон не может описать работу мозга, мы ограничены в понимании процессов, частью которых являемся. Наш интеллектуальный аппарат, сформировавшийся к XVIII веку, оказался чрезвычайно эффективным для моделирования мира, создания технологий, проектирования устройств. Он позволил нам за три столетия достичь того, что раньше казалось невыполнимым. Но сегодня мы подошли к его пределам.

В основе этого аппарата лежат весьма ограниченные логические операции — выделение свойств, компоновка, разложение на элементы. Они позволяют строить модели, но эти модели всегда примитивнее реальности. Мы описываем полёт птицы упрощённо — и создаём самолёт. Но сам феномен птицы, её целостность, остаётся за рамками нашего описания.

Сейчас мы наблюдаем признаки завершения большого цикла европейской цивилизации, предсказанного ещё Шпенглером. Творческий потенциал, двигавший её развитие, истощается. Мы включаемся в **большие процессы** — масштабнее нас и наших инструментов понимания. Их направленность становится видна лишь ретроспективно, когда множество случайных событий и воля складываются в непредвиденный результат.

Возьмём пример: русский космизм с его идеей экспансии сознания в космос. Для реализации таких идей требовались колоссальные ресурсы. Кто бы выделил средства на ракетостроение и ядерную энергетику без угрозы существованию государства? Выстрел в Сараево в 1914 году запустил цепь событий — две мировые войны, появление большевизма, фашизма, гонку вооружений. В результате человечество получило и ракетные технологии, и ядерные реакторы — инструменты, которые сделали возможными первые космические полёты. Война, при всей её трагичности, стала катализатором выхода за земные пределы.

Это показывает: большие процессы движутся своими путями, часто используя человеческие действия — даже эгоистичные или случайные — для решения глобальных задач. Мы же пытаемся описывать их с помощью понятия «закон», но закон — лишь наша конструкция. Важнее говорить о процессуальности и направленности.

Проблема в том, что, описывая систему сложнее себя, мы её неизбежно упрощаем. А если система включает нас самих как наблюдателей, наше описание меняет её. Мы оказываемся в ловушке: чтобы адекватно взаимодействовать с большими процессами, нужны новые формы мышления.

Старые логические операции не справляются с целостностью. Описать целое через перечень свойств нельзя: свойства проистекают друг из друга, образуя цикл, не улавливаемый стандартной логикой. Поиском новых языков для описания сложности занимались многие: от органической логики Николая Лосского и Алексея Лосева до логики всеединства Вячеслава Моисеева, логики целостности Георгия Смирнова, «водной логики» Эдварда де Боно. Все они наталкиваются на границы возможностей знаковых систем.

Сегодня нас подталкивают к прорыву три вызова:

1. **Управление цивилизационными процессами.** Попытки управлять ими напрямую приводят к противоположным результатам.
2. **Управление процессами живых систем.** Освоение других планет потребует не копирования земных условий, а преобразования жизни, для чего у нас нет инструментов.
3. **Обработка колоссальных объёмов информации.** Искусственный интеллект оперирует данными, но не создаёт новые смыслы. Он — мощный, но ограниченный набором алгоритмов провокатор, который должен подтолкнуть нас к расширению собственного интеллекта.

Ключ к новому мышлению — в переходе от **операций с формами** к **операциям со смыслами**. Наше сознание способно на смысловое понимание, которое предшествует формальному описанию. Мы узнаём знакомое лицо или цвет мгновенно, без перебора свойств. Это и есть то самое **смысловое понимание**, лишённое чувственных проявлений, — основа для построения новых **когнитивных инструментов**.

Создание таких инструментов требует **психотехник** — целенаправленной работы с сознанием, выхода за рамки чисто интеллектуальной деятельности. Речь идёт не об «изменённых состояниях» как самоцели, а об управляемом переходе к смысловому уровню, где возможна работа с целостностями. Это сближает данную задачу с трансперсональной психологией и опытом контактов с высокоорганизованными существами, например, дельфинами, где общение идёт вне привычных знаковых форм.

Цель — стать не продуктом культуры, а её партнёром. Преодолеть цикличность цивилизаций (рождение — расцвет — угасание), порождая нечто, не вытекающее из предыдущего. Это вопрос преодоления обусловленности, пробуждения **свободной воли** — не как иллюзии, а как ничем не обусловленной порождающей активности.

Воспитание такого человека — **волюнтократа** — сложная задача. Социальные системы настроены на воспроизводство исполнителей. Слишком раннее развитие внутренней свободы может привести к десоциализации. Нужна новая культура взаимодействия, основанная не на приказах, а на смысловом резонансе, подобно описанному Эрнстом Юнгером сообществу «анархов».

Нынешний кризис — возможно, длящийся 30–50 лет — должен завершиться скачком. Результатом станет не только новая техника, но и **новая система описания мира**, новые формы мышления и, как следствие, новые способы воспитания и кооперации. Мы движемся от эпохи управления результатами (проектов) к эпохе управления эффектами, где нужно учитывать сложность, а не упрощать её.

Это и есть **центральная задача нашего времени: целенаправленно создавать средства для работы с большими процессами, расширяя сознание от реактивного к активному, от обусловленного к творящему. Будущее принадлежит не тем, кто лучше оперирует имеющимися данными, а тем, кто сможет порождать новые смыслы и новые миры.**

**Статья подготовлена на основе публичной лекции и дискуссии Олега Бахтиярова на 1-м онтологическом интенсиве Клуба «31 июня»*